

21. Chartier R. «Histoire des femmes en Occident»: XVI–XVIII siècles. Differences entre les sexes et violence symbolique // Femmes et histoire / Eds. G. Duby, M. Perrot. P., 1993.
22. Bourdieu P. Remarques sur l' «Histoire des femmes en Occident» // Femmes et histoire / Eds. G. Duby, M. Perrot. P., 1993.
23. Шаберт И. Пол как категория новой истории литературы // Пол. Гендер. Культура. М., 1999.
24. Wunder H. Ueberlegungen zum “Modernisierungsschub des historischen Denkens im 18. Jahrhundert” aus der Perspektive der Geschlechtergeschichte // Geschlechtsdiskurs. Bd. 2: Anfaenge modernen historischen Denkens. Fr.a/M., 1994.
25. Wunder H. Wie wird man ein Mann? Befunde am Beginn der Neuzeit (15.–17. Jahrhundert) // Was sind Frauen? Was sind Maenner? Geschlechtskonstruktionen im historischen Wandel. Fr.a/M., 1996.
26. Wunder H. Normen und Institutionen der Geschlechterordnung am Beginn der Fruehen Neuzeit // Geschlechterperspektiven Forchungen zur Fruehen Neuzeit. Helmer, 1998.
27. Wunder H. Dynastie und Herrschaftssicherung: Geschlechter und Gesschlecht // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Fruehen Neuzeit: Geschlechter und Geschlecht. Berlin, 2002.

Г.В. Грошева

КАТЕГОРИИ ЭТНОСА И ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Томский государственный педагогический университет

В начале XXI в., как и в прошлом столетии, среди ученых-гуманитариев не наблюдается единства в подходе к изучению и определению феноменов этноса и этничности. Особенно характерна данная ситуация для российского научного сообщества. В 1990 – начале 2000 гг., в период глубоких перемен в области теории и методологии отечественной науки, разворачиваются бурные дискуссии о содержании понятий этноса и этничности, появляется огромное число работ, посвященных переосмыслению накопленного опыта в изучении сущности этнических явлений и процессов.

Тем не менее все имеющиеся концепции и теории можно объединить в два методологически противоположных подхода к проблеме этнической субстанции: «онтологический» (примордиалистский или эссенциалистский) и «функциональный» (конструктивистский, инструменталистский) (см.: [1, с. 3–6]).

Онтологический подход предполагает наличие этнической субстанции, имеющей примордиальную, т.е. изначальную природу, либо социобиологическую, либо эволюционно-историческую. Сторонники социобиологического направления истолковывают этничность как объективную данность, изначальную характеристику человечества и полагают, что осознание групповой принадлежности заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции [2, с. 29]. Сторонники эволюционного историзма исходят из признания этнических сообществ как особых материально-духовных образований на основе общности территории, экономической жизни, языка, культуры и психологии.

В целом сторонники онтологического подхода склонны рассматривать этнические объединения

как реально и давно существующие группы с присущими им атрибутами, а этничность – в качестве консервативной силы, которая сохраняет модели ментальности и поведения предыдущих поколений. Современные подходы в рамках этой традиции признают возрастание роли духовных и организационно-политических факторов в жизни этносов, что не отрицает объективного содержания закономерности и тенденций развития этнических процессов [3].

В отечественной этнографии примордиалистский подход был практически единственным до начала 1990 гг. К его виднейшим представителям относят Л.Н. Гумилева (социобиологическое направление) и Ю.В. Бромлея (эволюционно-историческое направление).

Для функционального подхода, объединившего конструктивизм и инструментализм (гедонистические, ситуационистские, мобилиционистские концепции), характерно отрицание этнической субстанции либо ее игнорирование.

С точки зрения конструктивистов, этничность является новой социальной конструкцией и не имеет культурных корней. Этническое чувство, порождаемое на основе дифференциации культур, и формируемые в его контексте представления и «доктрины» определяются как интеллектуальный конструкт. Согласно концепции, в качестве конструирующей силы могут выступать государство, политические элиты, интеллектуалы-идеологи, «человек с улицы». Далее этот конструкт (этничность) транслируется на потенциальных представителей этноса при помощи различных средств, имеющих возможность воздействовать на сознание членов общности (система образования, средства массовой информации, книги, фильмы, выставки и

т.д.). Соответственно «конечный продукт» будет зависеть от того, кто именно выступает в виде конструирующей группы, кто и как осуществляет сам процесс конструирования и каков контекст этого конструирования [4]. В общем, конструктивисты определяют этничность как средство достижения коллективных целей, прежде всего, обеспечения социального комфорта в рамках однородных культурных сообществ, понимаемого чаще как достижение экономических и политических выгод.

Согласно конструктивистской концепции, этничность есть вымышленный конструкт, «навязанная» социальность, поскольку коренится в мифах, ценностях, символах, создаваемых обществом и постоянно меняющихся. Соответственно этничность понимается как величина историческая, которая не содержит ничего статичного и постоянно предполагает новое содержание; этнос же представляет собой искусственное политизированное образование, воображаемую, сконструированную реальность.

Начало внедрению конструктивистской методологии в исследовании этнонациональных проблем в нашей стране в 1990 г. положили труды В.А. Тишкова, подвергнувшего жесткой критике отечественную теорию этноса.

В основе инструменталистского понимания этничности лежит социально-психологическая теория личности, общения, компенсаторных потребностей. «Этничность, как бы пребывая в латентном (“спящем”) состоянии, вызывается к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления конкуренции, доминирования и социального контроля, взаимных услуг и солидарного поведения, для политической мобилизации и для достижения гедонистических устремлений» [5, с. 104]. Инструменталисты рассматривают этническую группу как общность, объединяемую интересами, а этничность как средство удовлетворения каких-либо потребностей индивидов или группы, средство осуществления их интересов, целей. Согласно данному подходу, масштабы, темпы и глубину этнической мобилизации определяют лозунги и цели этнолидеров. Этничность рассматривается как явление, имеющее «ситуативный» характер и зависящее от социально-экономических и политических условий существования этноса.

Существует трактовка инструментализма как одной из возможных форм и конструктивизма, и примордиализма [4]. В примордиалистской трактовке инструментализма этничность «задана» изначально, и социальному фактору доступно лишь ее ситуативное использование; в конструктивистской – она формируется в процессе достижения поставленных целей.

Среди отечественных исследователей в качестве инструменталистов выделяют А. Арутюнова, Н. Чебоксарова, М.Н. Губогло, С.Г. Денисову.

В научной литературе функционализм, в рамках которого происхождение этничности связывают с процессами борьбы в обществе, со стремлением к влиянию и привилегиям или рассматривают как ответ на попытки ассимиляции и притеснения этнических групп, трактуется и как «оппозиционный подход» [6, с. 106].

Онтологический и функциональный подходы с разной степенью успешности описывают те или иные аспекты этнической реальности; в рамках каждого из направлений имеется ряд идей, адекватно характеризующих этнос и этнические процессы.

Примордиализм позволяет раскрыть историческую природу этноса. Главное преимущество субстанциональной теории этноса современные исследователи видят в историческом подходе к изучению явлений, исследовании целостных процессов, а не статических состояний, произвольно «вырванных» из потока этнической истории и контекста этногенетических процессов [7, с. 19].

В примордиалистских концепциях важны выводы о влиянии географических факторов на этническую специфику: материальную и духовную культуру, стереотипы поведения (см., например: [8; 9]). Данные антропологической географии о формировании различных биологических типов при взаимоотношениях человека с природой (накопление благоприятных для конкретной природной среды признаков физической и психической организации человека) позволяют определять этнос как генетическую реальность [10, с. 118–119].

Использование онтологического подхода оказывается полезным для понимания эмоциональной, психологической основы этничности и этнических связей. Его приверженцы отмечают, что «в каждом обществе почти во все времена некоторые привязанности проистекают больше из чувства естественной, – некоторые сказали бы духовной близости, чем из социального взаимодействия»; «эмоции, связанные с этнической принадлежностью, могут быть чрезвычайно устойчивыми. При определенных обстоятельствах они могут подавлять другие эмоциональные привязанности, а также рациональные расчеты людей» [11, с. 4, 10].

В то же время ряд современных отечественных исследователей (Е.И. Филиппова, Л.М. Дробижина, Г.У. Солдатова и др.) не согласны с тезисом примордиалистов о врожденности, генетической предрасположенности этнических характеристик и утверждают, что этничность формируется только в процессе социализации (см.: [12, с. 38–43]). К слабым сторонам примордиалистского подхода относят пренебрежение влиянием изменений социальной среды на этнические процессы. Отмечаются и недостатки «суммативного» подхода к изучению эссенциальной сущности этноса. «Этническое – это

не язык, культура или склад психики, но и не все перечисленное вместе. Этническое – это “нечто” само по себе, которое лишь отслеживается по указанным параметрам» [13, с. 9]. Попытки определить этнос через ряд признаков оказываются малоуспешными потому, что с унификацией культуры количество этнодифференцирующих признаков неуклонно сокращается, привносятся новые элементы, связанные с профессиональным искусством и литературой, историческими знаниями. Изучение исследователями этнических феноменов показывает, что значение и роль данных признаков меняются в зависимости от особенностей исторической ситуации, от стадии консолидации этноса, от особенностей этнического окружения, но этнодифференцирующие/этнообъединяющие признаки почти всегда отражают некую объективную реальность (в современных условиях это чаще всего элементы духовной культуры). Замечания функционалистов в отношении «суммативного» подхода имеют все основания, однако отрицать наличие объективных оснований этнических общностей было бы неверным.

Преимущество функционального подхода состоит в том, что он раскрывает сущностные изменения, происходящие с этническими общностями в условиях современного общества. В конструктивистской парадигме весьма удачно отмечено, что некоторые и даже весьма существенные элементы этничности подвержены социальному конструированию. Сторонники функционализма верно указывают на реальность и значимость массового манипулирования этнической идентичностью, на существование обширной практики своекорыстного использования этничности политиками.

Особого внимания заслуживают и конструктивистские идеи о пространственно-временной и ситуативной относительности этничности. Однако ряд исследователей заявляют о недопустимости абсолютизации этой относительности и восприятия этничности исключительно как «интеллектуального конструкта». А.Н. Ямсков отмечает, что «не существует абсолютно “бескрайнего”, свободного и ничем не ограниченного (ни внешним социальным давлением, ни внутренними культурными свойствами и характеристиками) поля для стихийного либо управляемого (как изнутри, так и извне) конструирования культурных символов и маркеров, и на этой основе – этнических идентичностей и самоидентификаций» [12, с. 38]. «Субъективная сторона этнических процессов и явлений, формируясь при решающей роли национальных элит, – пишет Г.У. Солдатова, – происходит не на голом месте. Воздействие национальной риторики только тогда и будет эффективным, если ее опорные темы выступают не в роли семян, а в качестве катализаторов уже готовых

к активизации процессов, происходящих в глубинах массового сознания и коллективного бессознательного» [13, с. 43]. Инструменталисты указывают и на такие функции этничности, как психологическая защита в мире отчуждения и мобилизация группы на реализацию своих интересов.

Инструменталистский и конструктивистский подходы позволяют учитывать влияние социальных изменений (в том числе экономических и политических) на становление этнического самосознания. В рамках функционального направления поднимаются вопросы о связи между «этническими границами» и экономическими и политическими процессами, об условиях, необходимых для мобилизации этнических групп, о том, как этническая мобилизация катализируется в политическую активность, об условиях, предопределяющих стратегию этнических движений, об использовании этнического самосознания в утилитарных целях и т.д. Изучение данных процессов и явлений может способствовать выявлению причин, методов, целей «конструирования» этничности в тех или иных конкретных исторических условиях.

Слабые стороны функционального подхода, по мнению отечественных ученых, заключаются в следующем.

Принципиальный тезис конструктивистов о том, что этническая общность есть искусственный и рукотворный результат воздействия на сознание людей со стороны интеллектуалов, применим, при некотором его уточнении, и в примордиалистской парадигме. «Возникновение самосознания и самоназвания (во все эпохи и на всех этапах развития человечества), – пишет В.В. Карлов, – есть следствие и результат осознанного процесса идентификации, совершаемого не иначе, чем методом самосознания рефлектирующими личностями и внедряемого и утверждаемого в сознании этнических масс путем передачи информации (результата рефлексии)». По утверждению данного автора, независимо от того, конструктивистски или примордиалистски подходить к существованию народов, данное явление не может существовать без деятельности рефлектирующих «специалистов» и одобрения и принятия результатов рефлексии массой (что тоже предполагает некоторую рефлексию). В данном случае результатом рефлексии является не плод воображения, итог умственных упражнений, а отражение объективной реальности [8, с. 12]. Исследователи обращают внимание на стихийный, бессознательный аспект процесса становления этничности. Как отмечает А.Д. Коростелев, «“социальное конструирование” – это широкое понятие, в которое входит все – от сознательного манипулирования до стихийно возникающих механизмов этнической социализации» [12, с. 33]. Ученый обращает

внимание на стихийный, бессознательный аспект процесса становления личности.

Поднимается вопрос и о «границах» манипулирования, о несводимом к манипуляции содержанию этничности, что ставит под сомнение тезис конструктивистов об отсутствии этнической субстанции. С.Е. Рыбаков видит суть процесса «конструирования» этничности в пробуждении этнической идентичности и наращивании ее за счет сознательного компонента идеологами, политиками, преследующими собственные цели [1, с. 8]. И.Ю. Заринов отмечает, что члены социума способны конструировать лишь уже исторически сложившиеся, но в силу различных причин потерянные культурные характеристики и стандарты, и этот процесс представляет собой не «конструирование», а реконструкцию, в результате которой и возникает искомая этничность/этническая идентичность [14, с. 13]. Конечно, тезис о реконструкции не бесспорен (особенно при его рассмотрении в постмодернистской парадигме), но вывод о необходимости объективных условий для формирования этничности трудно подвергнуть сомнению. Отрицание возможности искусственного (независимого от объективных реалий) конструирования нового этноса позволяет определять это самое «конструирование» как форсирование естественных процессов [1, с. 6].

Сторонники синтеза онтологического и функционального подходов обращают внимание на наличие двух уровней этничности – сознательного и бессознательного, а отрицание проблемы этнического бессознательного и этнической субстанции считают основной причиной принципиальной неполноты и необъективности конструктивизма.

Функционализм не объясняет и таких характеристик этничности, как атрибутивность, устойчивость, интенсивность и иррациональность этнического.

Этничность обнаруживает себя как атрибут личности, она может быть выражена более или менее сильно, но она есть у каждого; даже если человек провозглашает себя космополитом, в его уже сформированной личности непременно остаются неустранимые черты того народа, среди которого он родился и был воспитан. Отмечая устойчивость этнического, С.Е. Рыбаков пишет, что оно «слишком глубоко укоренено в человеке, существуя в известной степени независимо от внеэтнических социальных условий» [1, с. 6].

Функционалистами переоценивается значимость сознательной деятельности людей в процессе возникновения этнических общностей. Однако интенсивность этнической детерминации так высока, что этничность может быть объяснена, скорее, в категориях иррациональности, чем как репертуарная роль, сознательно и заинтересованно расчи-

танная и избранная индивидуумом или группой [1, с. 6].

Инструменталисты обуславливают этнический выбор стратегией максимизации богатства, власти и престижа, но при этом не учитывается различие человеческих ценностей и жертвенное поведение. Возникает вопрос о том, служит ли этничность лишь инструментальным целям или ее можно рассматривать как экзистенциальную, жизненную ценность, и как можно объяснить «эмоции, связанные с принадлежностью к этнической общности, выражающиеся в поведении, которое преобразуется в поэтические, художественные, музыкальные образы и находящие отклик в сердцах тех, кто их воспринимает?» [12, с. 46]. Как правило, оппоненты инструменталистского подхода отмечают, что этнические интересы в нем трактуются узко: только как экономические и политические. При этом без должного внимания остается выделяемая инструменталистами такая функция этничности, как психологическая защита.

Кроме того, в рамках функционального подхода не принимаются во внимание: во-первых, длительность процесса формирования общей этнической идентичности (как отмечает ряд авторов, инкорпоранты полноценными этнофразами не признаются, а их дети ассимилируются только после третьего поколения); во-вторых, условия и механизмы выбора этнической принадлежности (значение физико-антропологических характеристик, объективно заданных социокультурных барьеров, влияние смешанных браков, устойчивость моделей самоидентификации и т.д.), роль семьи как одного из решающих факторов этнической социализации и т.д.

Подвергаются критике и методы исследования этнических феноменов в функциональной парадигме. Ставится проблема поиска адекватных методик отбора и анализа материалов, их верификации синхронными данными. Опора конструктивистов на методы социальной статистики приводит к переоценке возможностей количественных методов, метода опроса и фактически к отказу от рассмотрения каузальных связей и «феноменологического» анализа повседневной жизни (см.: [10; 15 и др.]).

Как отмечают отечественные ученые, гносеологические корни теоретико-методологических расхождений между теорией этноса (господствовавшей в советской науке) и концепциями этничности, имеющих западное происхождение, заложены в различии историко-культурных обществ – нашего и западного.

Изучение этноса и этнической группы (группа представителей того или иного этноса, проживающего в иноэтническом окружении), к примеру, глубоко ассимилированной – далеко не одно и то же. Во втором случае из всех групповых признаков ре-

ально фиксированным для исследователя остается этническое самосознание, опирающееся лишь на представления об общности их происхождения и культуры, на ощущении сопричастности с родиной предков. Как отмечает И.Ю. Заринов, «с исчезновением традиционности подобная форма этничности (основанная только на самосознании) естественным образом расширяет свою географию, что увеличивает число приверженцев инструменталистского подхода в понимании данного социального феномена» [14, с. 14].

Различия примордиализма и конструктивизма возводятся к различиям основных социологических традиций, одна из которых описывает «реальность», структуру, в рамках другой описывается деятельность, субъектное производство структур, отношения в группах.

Различие подходов к изучению этнических явлений обуславливает и множественность определений этничности. Наиболее распространенным в отечественной науке является подход к изучению этничности как некой качественной характеристики этнической общности. Термин «этничность», как правило, употребляется в значении главного признака или основного качества этнической общности и каждого, кто ее так или иначе представляет. И.Ю. Заринов определяет этничность как основное свойство той или иной этнической единицы, обозначающее существенные межэтнические различия, которые проявляются через комплекс исторически сформированных социокультурных черт, определяющих специфику данной группы [16, с. 23]. В работах этого автора этничность определяется как «“душа народа”, приближающаяся к понятию “этос”, воплощенная в народе-этнотипе и материализованная в его культуре» [17, с. 20–21]. Согласно определению С.Е. Рыбакова, этничность является характеристикой, отражающей качественные и количественные параметры процесса идентификации индивида, и включает в себя: основания для отнесения к тому или иному этносу, результат этого отнесения и силу воздействия такого рода идентификации на социальную активность личности [13, с. 11].

Определения подобного плана являются ярким примером отказа современной отечественной этнологии от примордиалистского «суммативного» определения этноса и поиском его сущностных характеристик. Разумеется, проблема «этнической субстанции» может быть поставлена только в примордиалистской парадигме.

Можно констатировать наличие различных подходов к постижению этнической субстанции, однако большинство авторов выражают полную уверенность, что именно в сфере культуры, трактуемой в самом широком смысле слова, сосредоточены все

основные отличительные особенности народов. Культура определяется как важнейшая интегральная характеристика этнической общности.

Путь к постижению этнической субстанции в рамках деятельностного подхода к изучению культуры рядом исследователей видится в связи этноса со средой обитания и человеческого способа адаптации к ней.

«Этническое сообщество возникает и существует на базе особого, присущего данной совокупности индивидов способа адаптации к среде обитания, сближающего их друг с другом и отличающего от других подобных массовых групповых способов адаптации настолько, насколько это служит достаточным основанием для коллективной групповой идентификации», – отмечает В.В. Карлов [9, с. 13, 16]. Передается этот способ, по мнению автора, через культуру, культурную традицию, через систему норм, ценностей и их усвоение. Приверженцы аксиологического подхода видят сущность этнического в ценностных ориентациях. Этнос в данной традиции определяется как общность людей на основе обеспеченного эндогамией и языком единства ценностных ориентаций, которые символически выражаются в стиле культуры и образе жизни. Ценности, усвоенные народом в процессе его исторической жизни, ставшие элементами традиционного мышления, восприятия и поведения, определяют общественную жизнь. Этническая ценностная специфика проявляется в этническом стиле культуры, в образе жизни.

Определяя ценностные ориентации сущностью этнического, С.Е. Рыбаков пишет: «Любые результаты духовных актов всегда суть подлинно общезначимы для членов своего этноса, а при передаче их людям с иной этничностью – неизбежно трансформируются» [1, с. 10–11]. По мнению автора, различия в ценностных ориентациях запрограммированы в бессознательных структурах этноса – ядре этнического в структуре личности. С.Е. Рыбаков обозначил антропологический поворот проблемы этнической субстанции. В этносе на первом плане находятся не социальные функции общности, отмечает ученый, а личностные. Основным вместилищем этнической субстанции предлагается считать «не трудноуловимую материю общественных отношений, а сущностные структуры самой личности (сложно сконструированный центр духовных актов)» [1, с. 7].

Приверженцы деятельностного подхода акцентируют внимание на внебиологических способах адаптации к окружающей среде и формировании на их основе ценностных установок, принципов восприятия окружающей действительности, норм поведения, а приверженцы аксиологического – на ценностных ориентациях этнофоров, обуславлива-

ющих характер и способы «адаптационной деятельности». Однако следует отметить тесную взаимосвязь и взаимообусловленность обозначенных явлений.

Ярким примером синтеза деятельностного и аксиологического подходов может служить работа Н.В. Исаковой «Культура и человек в этническом пространстве». «Суть приобщения человека к традиционной культуре, – пишет автор, – в освоении через ее ценности способа, технологии взаимодействия с миром при любых экстремальных социальных обстоятельствах» [10, с. 97].

Особенно интересны работы, в которых при определении сущности этнического предпринимаются попытки синтеза культурологических (деятельностного и аксиологического) и психологического подходов.

К примеру, в работах Б.Х. Бгажнокова отмечается ценностная природа этнического бытия и развития. Этнические ценности способны воодушевлять и вдохновлять, они являются основанием для консолидации этнических систем [18, с. 16–18]. Этническое пространство определяется как физическое, культурное и духовное пространство, наиболее благоприятное, приятное, привычное и предсказуемое, в котором индивид чувствовал и чувствует себя в относительной безопасности, в среде сородичей, людей, близких по своему мироощущению и поэтому способных понять, помочь, простить. По мнению Б.Х. Бгажнокова, этносоциум – это защитный механизм, позволяющий его членам выжить, выработать оптимальные формы бытия. Объединяясь в этнические группы, люди создают культурную среду, в которой находят необходимый минимум психологического комфорта и уюта. «Свой жизненный мир – это, прежде всего, этнический мир, этнокультурная среда (система социальных норм, духовных и материальных ценностей и совокупность отношений)» [19, с. 48].

Как правило, обращаясь к психологической составляющей концепции этноса, этничности, авторы апеллируют к идеям Г. Лебона о «душевном строе рас», В. Вундта – о «народной душе», Г. Шпета – о «духе народа» как общности душевной жизни индивидов¹.

Перечисленные выше подходы к проблеме этнической субстанции являются попыткой ответить на вопросы: что представляет собой искомая субстанция? и как она существует? Вопрос о функциях этничности, скорее, является производным, ответ на

который вытекает собственно из определений сущности этнического. Несмотря на различия в определении этнической субстанции, будь то исторические выработанные способы деятельности, ценностные ориентации или «психологический склад» этнической общности, общее в данных подходах – в констатации «адаптивно-адаптирующей» сущности этнической субстанции: этничность характеризуется как «инструмент» адаптации к объективной действительности, как технологии взаимодействия с окружающим миром.

В современной российской науке прослеживается тенденция отказа от жесткого следования той или иной концепции; большинством исследователей отмечаются преимущества интегрированного подхода, способствующего формированию представления об этничности и этносе, более или менее приближенного к реальности. Синтез подходов, по сути, представляет собой попытку преодолеть оппозицию между онтологизирующим этничность примордиализмом и конструктивизмом, сфокусированном на субъектном продуцировании этого мира.

Данный факт признают и исследователи, позиция которых в современном российском научном сообществе определяется как жесткий конструктивизм. «Все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими», – отмечает В.А. Тишков [2, с. 30].

В отечественной этнологии с идеей о возможности синтеза онтологического и функционального подходов выступают Б.Е. Винер, И.Ю. Заринов, В.В. Карлов, С.Е. Рыбаков, С.В. Чешко, А.Н. Ямсков и др.

В заключение необходимо отметить сохраняющееся противостояние между учеными, отдающими большее предпочтение тому или иному подходу. По мнению С.Е. Рыбакова, субстанциональный подход к исследованию этнических феноменов должен быть предпочтен конструктивистскому, хотя многие продуктивные наработки конструктивистов могут (и должны) быть использованы в этнографии, особенно в плане ее выхода на общественную практику [7, с. 18–19]. В.А. Тишков, напротив, отмечает перспективность интеграции наиболее значимых аспектов имеющихся подходов в цельную теорию на основе конструктивистского синтеза, в котором есть чувствительность к контексту [2, с. 30].

¹ Психологический подход подвергается жесткой критике конструктивистами: «Последние “фишки” неофитов в сфере этнологии – это психологизация этноса и даже национализма, выросшие из уязвимой романтики Широкогорова, Шпета, Лурия... Этнопсихология, не порвавшая пуповину с этносом, одно из свежих наваждений, от которого придется избавляться десятилетиями» [20].

Литература

1. Рыбаков С.Е. К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // Этнографическое обозрение. 1998. № 6.
2. Тишков В.А. Социальная антропология: профессия и призвание. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 4.
3. Росенко М.Н. Нации в современном обществе: теоретико-методологический анализ // <http://nationalism.org/library/science/nationalism/rosenko/rosenko-jssa-1999.htm>.
4. Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм // <http://www.unci.ru/vestnikiv/vest04.html>.
5. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
6. Лурье С.В. Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. 1999. № 4.
7. Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // Этнографическое обозрение. 2001. № 1.
8. Сапунов Б.В. Географическая среда – важнейший фактор формирования национальной общности // Этнос. Ландшафт. Культура. СПб., 1999.
9. Карлов В.В. Этнонациональная рефлексия и предмет этнологии (к проблеме самосознания науки) // Этнографическое обозрение. 2000. № 4.
10. Исакова Н.В. Культура и человек в этническом пространстве. Новосибирск, 2001.
11. Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4.
12. Дискуссии. Обсуждение доклада В.А. Тишкова «О феномене этничности» // Этнографическое обозрение. 1998. № 1.
13. Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. 2000. № 5.
14. Заринов И.Ю. Время искать общий язык. (Проблема интеграции этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.
15. Соколов М.М. К теории постсоветской этничности // <http://www.soc.pu.ru:8101/publications/jssa/1999/3/9sokol.html> и др.
16. Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм // Этнографическое обозрение. 2002. № 1.
17. Заринов И.Ю. Исследование феноменов «этноса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990 годы. М., 2003.
18. Бражников Б.Х. Основания гуманистической этнологии // Этнографическое обозрение. 2000. № 6.
19. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб. 2000.
20. Тишков В.А. «Пожар способствовал ей много к украшенью» (Российская этнология: статус дисциплины и состояние теории) // <http://www.ethnonet.ru/lib/0503-01.html>.

А.Г. Тучков

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.Б. ШАТИЛОВА¹

Томский государственный педагогический университет

Имя томского этнографа Михаила Бонифатьевича Шатилова хорошо известно среди отечественных и зарубежных угроведов. В настоящее время существует целый ряд работ, характеризующих М.Б. Шатилова как ученого, организатора научной, краеведческой и издательской деятельности. Высоко оценивается его роль в разработке ряда проблем отечественной этнографии (см.: [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]). Однако, несмотря на столь пристальный в последнее время интерес к его личности и результатам его научного творчества, нет исследований,

направленных на выявление теоретических представлений этнографа, методологии его исследования. Данная работа, таким образом, является первым обращением к теоретико-методологическим воззрениям М.Б. Шатилова, составившим основу его научной деятельности.

Предваряя основное содержание статьи, следует отметить, что М.Б. Шатилов не был этнографом-профессионалом. Он закончил в 1909 г. юридический факультет, а позже два курса историко-филологического факультета Томского университета. Од-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Коренные малочисленные народы севера земли томской: судьбы традиций и языка», № 05-01-64102а/Т.